

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЯ ИМЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1971

3. Русские названия в форме родительного падежа от фамилий на *-ский* и различных исторических дат (в соответствии с существующей инструкцией). Но помимо этого в городах Латгалии (Даугавпилсе, Резекне, Лудзе), где довольно значительное русское старожильческое население и которые расположены недалеко от РСФСР и БССР, в официальных справочниках имеются некоторые наименования и другого рода, например: *Рабочий* переулоч, ул. *Прибрежная*, ул. *Металлистов*, ул. *Коммунаров*.

Исторический путь образования названий ряда улиц связан в основном с их переводом с немецкого языка на русский и затем на латышский, с которого они уже транскрибируются на русский язык в наше время, например: *Sperlings* — *Воробьиная* — *Zvirbiņu* — *Звирбулю*. Такой путь переименования улиц объясняется местными общественно-политическими отношениями и указывает на пестрый состав населения в национальном отношении, а также на семантическую устойчивость названий.

Кроме того, русские названия улиц, возникшие главным образом в XIX в., показывают, каков был в то время уровень знаний русского языка у местного нерусского населения, ср., например, в гг. Риге и Лиепае ул. *Вальная* — от *вал*, *Чайковская* — от *чайка*, *Кустарная* — от *куст*, *Ольгиевская* — от *Ольга*, *Пензаская* — от *Пенза*, *Алисовая* — от *Алиса*.

Б. Х. Кармышева

ТАДЖИКско-УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН *ВИЛАЯТ*

За последние два десятилетия географические термины, богато представленные в языках народов Средней Азии и Казахстана, все чаще привлекают внимание специалистов различных дисциплин, в том числе и этнографов. Особое место среди народных географических терминов по своей значимости для этнографии занимают обозначения различных ландшафтов. Оно и понятно: с одной стороны, в прошлом тип хозяйства и быт населения в основном определялись ландшафтом; с другой — те или иные народы при заселении ими новой для них территории (например, очередная волна завоевателей в Средней Азии) стремились занять ту природную зону, которая наиболее соответствовала их традиционным занятиям и бытовому укладу.

Настоящее сообщение имеет целью познакомить читателей с несколькими из бытующих в языке таджикско-узбекского населения центральных и южных районов Узбекистана и Таджикистана народных географических терминов для определения ландшафта — с термином *вилаят* и некоторыми другими, связанными с ним.

Известный исследователь Средней Азии М. С. Андреев впервые обратил внимание на употребление местным населением Самаркандской области арабского по происхождению слова *вилаят* (узб. и тадж. *вилоят*) не только в его прямом значении 'область', 'провинция', но и в качестве термина для обозначения определенного ландшафта. Он отметил, что равнинная часть Самаркандской области делится местным населением на две резко отличающиеся части — *вилаят* и *дашт* (*дашът* — в написании М. С. Андреева, близком народному произношению). Вилаят — непосредственно долина реки, покрытая густой сетью оросительных каналов, с высокой культурой земледелия, с садоводством и огородничеством, а также густым населением, а дашт — подгорная равнина, куда не могла быть в прошлом поднята вода из Зеравшана; основными занятиями ее жителей было богарное хлебопашество и скотоводство; селения же были далеко разбросаны друг от друга [1, 122—123]. М. С. Андреев вполне справедливо подчеркивал, что «в общем дашт настолько типичен и уклад жизни в нем так сильно разнится от условий проживания в „вилаяте“, что понимание этого обстоятельства необходимо для правильного уяснения исторического прошлого долины Зерафшана и взаимоотношений жителей» [1, 123].

Указанные два термина бытуют среди населения Средне-зеравшанской долины до сих пор, что было зафиксировано Р. Я. Рассудовой и нами во время полевых этнографических исследований 1959—1962 гг. Соответственно и жители называются *вилаятлик* 'вилаятцы' и *даштлик* 'степняки'. Термин *вилаят* бытует и в Бухарском оазисе (как любезно выяснила на месте, по нашей просьбе, Ф. Д. Люшкевич) в значениях 'город', 'густонаселенная местность'.

Термин *вилаят* узбеками обычно произносится в форме *уляят* (*ўляят*) или *улаат* (*ўлаҳат*), с заменой губно-губного проточного звонкого *в* узким губным передним *у* и среднеязычного *й* глухим фарингальным проточным *х*.

В. С. Расторгуева и В. С. Соколова в 40-х годах обратили внимание на то, что в долине реки Варзоба группа таджикского населения называет себя *вилоятӣ*, т. е. 'вилаятцы' [11, 21—22; 13, 105—106]. Р. Л. Неменова, проводившая в 1961—1963 гг. этнографическое изучение указанной долины, отметила, что местное население название *вилоятӣ* связывает со словом *вилоят*, которое, по ее представлениям, означает равнинную, негорную местность [9, 68—69; 10, 32—35].

И. Хидояттов на основании полевых этнографических материалов отмечает, что в Денауском и Сариасийском районах Сурхандарьинской области УзССР термином *вилаят* (наряду с термином *хисорй*) обозначают «пришельцев из разных мест равнин», противопоставляя их *кухистони* — исконным жителям, горным таджикам [15, 113].

Согласно полевым этнографическим исследованиям, проводившимся нами в 60-х годах, термином *вилаят* население Гиссаро-Сурханской долины и окружающих ее гор обозначает не всякую равнинную местность, а лишь хорошо орошенный и возделанный оазис в долине крупных рек. В данном случае *вилаят*ом называют долину Сурхана и Гиссарскую долину, так же как в Самаркандской области *вилаят*ом называют лишь Самаркандский оазис.

Как любезно сообщили нам таджикистанские диалектологи, Гиссаро-Сурханскую долину *вилаят*ом называют и в Кулябе (Р. Л. Неменова), а также в Среднем и Нижнем Каратегине (Б. Бердиев).

В верховьях Шерабадарьи нами зафиксировано применение термина *вилаят* по отношению к Гузаро-Каршинскому оазису, т. е. долине Кашкадарьи: пожилые женщины на вопрос о наличии у них в прошлом ткачества больших ворсовых ковров ответили нам, что этого производства у них не было и что ковры привозили «из Карши-Гузара, из уल्याта» (*Карши Гузордан, улаҳатдан келар эди*).

Следует подчеркнуть, что поскольку понятие *вилаят* обозначает крупный оазис с интенсивным земледелием, то оно включает в себя и наличие городов — центров ремесла, промышленности, торговли, административного управления и культуры, на что прямо указывали наши информаторы. Так, в кишлаке Орта-Мачай (в верховьях Шерабадарьи) говорили нам, что «улятом называют городскую местность, местность, близкую к цивилизации» (*Шаҳар жойни, маданиятга яқин жойни улаҳат дейди*).

Р. Л. Неменова также отмечает, что административное значение этого термина среди таджиков Варзоба — «центр определенной территории; в этом смысле слово является как бы синонимом слова *шаҳр* — город» и что обычное словарное значение слова *вилаят* как «область», «провинция» ею в районе Варзоба не выявлено [10, 35—36].

Употребление термина *вилаят* в значении «крупный культурный оазис», по-видимому, широко распространено. Как любезно сообщили нам Г. П. Васильева и А. Оразов, туркмены западной Туркмении *вилеет*ом называют Иран, а также выходцев из Ирана. Среди полевых материалов Г. П. Васильевой есть данные, уточняющие это представление: туркмены западной Туркмении *вилеет*ом называют не весь Иран, а прилегающую к их территории Астрабадскую равнину (вплоть до

Буджнурда на востоке) и ее жителей. Персоязычное население на восток от Буджнурда называют курдами. Туркменам Ахала термин *вилеет* малоизвестен и значение его расплывчато — «сторона Тегерана».

Г. П. Васильева сообщила нам, что хорезмские туркмены термином *вилеет* обозначают сартов, исконных жителей Хорезмского оазиса. Это отражено и в документах (см. Ю. Э. Брегель, Термин *вилает* в хивинских документах, — «Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1968», М., 1970).

В недавно вышедшем толковом словаре таджикского языка сказано, что одно из пяти значений слова *вилаят* — области Ирана и Мавераннахра в понимании индустанцев [14, 236]. В отношении оазисов Мавераннахра употребляет его и Мирза Хайдар в «Тарихи-и Рашиди» («Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков», Алма-Ата, 1969).

Происхождение интересующего нас термина старшее поколение местной интеллигенции связывает с его словарным значением — «область», «провинция», ибо, по его словам, в оазисе располагаются города, являющиеся административными, экономическими и культурными центрами данной области, и когда направляются из окружающих местностей в оазисы, то принято говорить, что направляются в *вилаят*¹. Такое объяснение вполне приемлемо, ибо отдельные крупные оазисы, как правило, и составляли те или иные провинции средневековых государств, и в источниках, когда речь идет, например, о Самаркандском или Бухарском *вилаете*, прежде всего имеется в виду Самаркандский или Бухарский оазис.

Что касается вариантов этого термина в форме *уляят*, *уляат*, то, по-видимому, прав старый житель г. Байсуна Ходжамурад Мухаммадмурадов, который считает, что они свойственны полукочевым в прошлом узбекам (т. е. джокающим говорам узбекского языка), которые, по его словам, производят узбекские слова на казахский манер. (Об этническом составе населения рассмотренных областей см.: [4, 95—102; 16, 17—49].) И действительно, в ряде джокающих узбекских говоров (локайском, кунгратском и др.), как и в казахском языке, губно-губной *в* в начале слова, встречающийся только в заимствованных словах (преимущественно из арабского, а ныне еще из русского), заменяется узким губным предним *у*.

В Самаркандской области нами зафиксирован еще вариант *хуляят* (*хўлаҳат*), для объяснения которого существует народная этимология, связывающая его происхождение с узбекским словом *хўл* «влажный», т. е. орошаемый.

¹ Для изучаемых районов «направиться в *вилаят*» в основном значит «спуститься с гор и предгорий в долину», поэтому, говоря о поездке в долину, обычно употребляют выражение *вилаятка ошмоқ* «перевалить (через горы) в *вилаят*» или *вилаятга тушиб кетмоқ* «спуститься в *вилаят*».

Б. Бердиевым среди таджиков Рамита (правобережье верхнего течения Кафирнигана) встречен вариант *валахат* (*валахат*; при этом *в* губно-губной, а *х* верхнефарингальный).

В Самаркандской области для обозначения орошаемой части долины Зеравшана помимо термина *вилаят* населением употребляются еще два — *дайравад* и *карадаракх*². Первый термин означает 'прибрежная полоса земли', а второй букв. 'черное дерево', в данном случае — 'местность, густо поросшая деревьями' (ср. русский термин 'чернолесье'). Однако этим термином не называются горные ущелья и склоны, поросшие лесом, — он употребляется жителями дашта и предгорий только по отношению к долине, орошенной водами Зеравшана и его двух рукавов, Акдарьи и Карадарьи. И действительно, Самаркандский оазис издали — с возвышенной подгорной полосы и горных склонов — темнеет, словно лес. На это обратил внимание еще Клавихо; «Столько этих садов и виноградников, что когда приезжаешь к городу (Самарканду. — Б. К.), то видишь точно лес из высоких деревьев, и посреди его самый город» [5, 325].

Впервые бытование термина *карадаракх* отмечено, причем не только в Среднезеравшанской долине, но и в Шахрисабзе и Фергане, покойным проф. Н. Г. Маллициким [7, 287].

Согласно материалам Р. Я. Рассудовой, местное население, однако, не ограничивается слишком общим делением Среднезеравшанской долины на *дашт* и *вилаят*. Вилаят подразделяется им на две неравные по ширине части: *карадайравад* — узкая полоса собственно поймы Зеравшана и двух его рукавов и *чульдайравад* — первая и вторая надпойменные террасы.

Карадайравад в буквальном переводе 'черная прибрежная полоса земли'. Пойму называют черной потому, что эта болотистая полоса орошается преимущественно подпочвенными (тадж. *захбур*, узб. *зовурсув*) и сбросовыми (тадж. и узб. *обпартов*) водами, которые, как неоднократно отмечалось в литературе [6, 72—83], называются в Средней Азии черными — *карасу*. По выражению местных жителей, в карадайраваде все черно: и земля, и песок, и вода, и растительность.

В этой связи интересно приведенное О. И. Смирновой дополнительное название Ирака — *ас-Савад* 'черная земля', за

² В некоторых местностях для обозначения прибрежной полосы имеется еще термин *лебаб* (тадж. *лабоб* 'берег реки'). Однако в Самаркандской области нам не приходилось его слышать. Он зафиксирован Р. Л. Неменовым у таджиков среднего течения Вахша (район Нурека-Гуткаула) в форме *лавова*. У туркмен он превратился в топоним — Лебабом называется прибрежная полоса Средней Амударьи в промежутке между Чарджоу и Карабакаулом, примерно совпадающая с территорией Карабакаульского района [2, 12]. Но не исключена возможность, что в прошлом им обозначали всю прибрежную орошенную полосу Средней Амударьи. Именно так понимал его П. П. Иванов [8, 421].

которым, как пишет О. И. Смирнова, «постепенно закрепились значения: 1) аллювиальные земли по Евфрату и Тигру, которые идентифицируются с понятием Ирака и связаны с понятием географическим; 2) культурные (обрабатываемые) земли внутри области; пригородные возделанные земельные площади» [12, 26].

Н. Г. Маллицкий в цитированной выше статье к термину *карадаракх* дает следующее примечание: «Интересно отметить, что и долина Нила в древности называлась Кем, т. е. черная страна, именно по контрасту покрывавшей ее растительности со светлой пустыней» [7, 287]. Нам думается, что в данном случае название *Кем* скорее соответствует второму значению имени *ас-Савад*.

Чульдайравад, или реже *даштдайравад*, переводится 'степная прибрежная полоса земли' (тадж. *чул*, узб. *чўл* 'безводная степь', *дашт* 'степь'). Относительно ровная поверхность третьей-пятой надпойменных террас Зеравшана, если прекратить орошение, очень быстро превращается в безводную степь, как это произошло, например, в первой четверти XVIII в. [16, 21—33]. В чульдайраваде подпочвенных вод для орошения практически нет — земля здесь орошается зеравшанской водой.

Дашт, т. е. подгорную равнину, также подразделяют на две части: собственно *дашт* — степь, где можно возделывать зерновые, где пасут скот и заготавливают сено, и *обикор*, т. е. поливные — небольшие участки в даште, орошаемые водой горных речек и родников. (Приносим глубокую благодарность Р. Я. Рассудовой за предоставление изложенных материалов.)

В Гиссаро-Сурханской долине, где также различают не только вилаят, но и дашт (однако доминирующим здесь все же является противопоставление *вилаят* — *кухистан*), терминов *карадайравад* и *чульдайравад* нам не приходилось слышать, хотя специальных расспросов не проводилось. Здесь на территории вилаята выделяют два микроландшафта — *сугут* и *пальная*. О первом из них нам, а также О. И. Смирновой и Р. Л. Неменовой уже приходилось писать [3, 56—59; 12, 24—26; 10, 37—38], поэтому ограничимся указанием на то, что под этим термином понимается низменная болотистая местность или обильно орошенная местность, где отсутствуют неполивные земли.

Значение термина *пальная* (тадж. *паллоя* 'рисовое поле') близко слову *сугут*, но уже последнего — низменные болотистые места, где в прошлом возделывали исключительно рис, маш и огородные культуры, а садов и виноградников не было. Соответственно население указанных местностей называется *сугути* и *пальная*, однако самоназванием служит лишь первое.

Приведенный краткий обзор весьма ограниченного круга географических терминов таджиков и узбеков говорит о богатстве этого вида народной культуры и о необходимости тщательного собирания и изучения его.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. С. Андреев, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году, — «Известия Туркестанского отделения РГО», т. XVII, Ташкент, 1924.
2. «История Туркменской ССР», т. I, кн. вторая, Ашхабад, 1957.
3. Б. Х. Кармышева, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области УзССР, — «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXXIII, М., 1960.
4. Б. Х. Кармышева, К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана, — «Советская этнография», 1964, № 6.
5. Рюи Гонзалес де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде, 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXVIII, № 1, СПб., 1881.
6. Г. К. Конкашпаев, Цветовые слова в тюркских топонимах, — «Географические науки (Тематический сборник научных трудов Казахского государственного педагогического института им. Абая)», Алма-Ата, 1969.
7. Н. Г. Маллицкий, О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии, — «Известия РГО», т. 77, вып. 5.
8. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938.
9. Р. Л. Неменова, Таджики Варзоба, — «Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук», 1963, № 1 (32).
10. Р. Л. Неменова, Сложение таджикского населения Варзоба, — «Советская этнография», 1969, № 5.
11. В. С. Расторгуева, Очерки по таджикской диалектологии, вып. 1, М., 1952.
12. О. И. Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949—1959 гг.), М., 1963.
13. В. С. Соколова, Фонетика таджикского языка, М.—Л., 1949.
14. «Фарҳанги забони тоҷикӣ», т. I, М., 1969.
15. И. Хидоятов, К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана, — «Из истории культуры народов Узбекистана. Сборник статей», Ташкент, 1965.
16. «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969.

В. А. Скрозникова

ВАРИАНТЫ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ В США

1. Известно, что топонимы подчинены «законам языка, а не физической географии или политической истории» [4, 82]. Те или иные географические названия отражают обычно потребности людей давать названия конкретным объектам, ланд-

шафтам или их отдельным частям, что, с одной стороны, связано с необходимостью ориентироваться на местности, а с другой — с необходимостью объяснения, как ориентироваться [6, 31]. Нельзя забывать, однако, что название рождается под влиянием определенных общественно-экономических условий, в связи с которыми называющие и обращают внимание на те или иные признаки объекта [4, 82].

Помимо официальных топонимов в подлинном смысле этого слова почти все штаты и большие города Соединенных Штатов Америки имеют ряд прозвищ. Прозвища эти являются вполне узаконенными наименованиями, так как употребляются не только в устной речи, но встречаются и в справочных изданиях, словарях и т. п., не говоря уже об их широком распространении в языке художественной литературы. Поэтому такого рода наименования можно условно называть вариантами топонимов как по функциям значения названий, так и по их эмоциональной и социальной нагрузке [5, 62—63; 2, 100].

Выполнять непосредственную функцию топонима, т. е. служить точным адресатом, варианты топонимов не могут. Функцию же описательную они выполняют шире, чем собственно топонимы [6, 38].

Варианты топонимов, как и собственно топонимы, нередко непосредственно отражают в своем названии исторические события, имевшие место в штате. Например, одно из наименований штата Колорадо — штат Столетия (*The Centennial State*), так как он был принят в состав США 1-го августа 1876 г., т. е. в столетнюю годовщину со дня подписания Декларации о Независимости — в год празднования независимости США. Топонимы часто соответствуют естественным (т. е. природным и географическим: климат, растительность и т. д.) реалиям штатов и городов, а нередко и характеру производства или промышленности, наиболее развитой в данной местности, и т. д. и т. п. Например, штат Аризона в числе десяти наименований имеет прозвища *The Grand Canyon State* 'штат Большого Каньона', в связи с тем, что знаменитый Большой Каньон Колорадо расположен в основном на севере штата, и *The Copper State* 'медный штат', так как по производству меди штат занимал в свое время одно из первых мест, а штат Колорадо называют нередко *The Silver State* 'серебряный штат' и *The Lead State* 'свинцовый штат', что связано с большим числом свинцовых и серебряных разработок в штате; штат же Нью-Мексико наряду с рядом других прозвищ называется *The Sunshine State* 'солнечный штат' в связи с климатическими условиями и преобладанием в течение всего года солнечной и жаркой погоды. Такого же характера название штата Техас — *The Blizzard State* 'штат буранов, бурь', связанное с частыми штормами и буранами,

ТРУДЫ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ВОСТОКОВЕДОВ

МОСКВА

9 — 16 августа 1960

ТОМ III
ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИЙ X, XI, XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

изучения покинутых туркменских поселений XIX в., «Известия АН Туркменской ССР», 1957, № 2; Б. В. Андрианов и Г. П. Васильев, *Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе*, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXVIII, 1958; Б. И. Вайнберг, *К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме*, СЭ, 1959, № 5.

²⁴ *Труды Хорезмской экспедиции*, тт. I (1952), II, III (1958), — *Материалы Хорезмской экспедиции*, вып. I (1959), вып. IV (1960).

По докладу выступили А. Х. Маргулан, М. Низамуддин.

Б. Х. ҚАРМЫШЕВА (Москва): О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕНАХ В СОСТАВЕ УЗБЕКОВ (ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Этнографы Советского Союза уделяют большое внимание проблеме этногенеза отдельных народов. Многочисленные экспедиции, особенно за послевоенные годы, собрали обширный этнографический материал, являющийся одним из основных источников при разработке проблемы этногенеза и этнической истории отдельных народов нашей страны, в том числе и узбекского народа.

Автор настоящего сообщения принимал участие в работе Кулябской этнографической Гармской этнографической и Таджикской археологической экспедициях Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР, а также совершил ряд индивидуальных поездок преимущественно по южным районам Таджикистана и Узбекистана.

Во время полевых исследований чрезвычайно пестрого в этническом отношении населения южных районов Таджикистана и Узбекистана¹ особое внимание привлекли две группы узбеков. Самоназвание одной из них «тюрк» (*тўрк*), а другой — «карлук» (*қаллук*, *қаллуғ*, *қарлуқ*; термины даны в написании современным узбекским алфавитом).

Прежде чем изложить некоторые материалы о карлуках и тюрках, позволим себе сказать несколько слов об этническом составе современных узбеков.

Как известно, исторические и этнографические данные позволяют проследить в составе узбекского народа наличие трех основных пластов. Наиболее древний пласт — это исконно оседлое сельское и городское тюркоязычное население Средней Азии, не имеющее родоплеменного деления, известное в дореволюционной литературе под названием «сарты». Второй пласт — исторические потомки тюркских и монгольских племен и народностей, являвшихся ранними пришельцами в Мавераннахр в период с VI по XIII в. Основная масса этих тюркских и монгольских племен и народностей давно осела, утратила родо-племенные названия, ассимилировавшись с древними ираноязычными народами Мавераннахра, передав им тюркский язык, она составила основу узбекской народности. Незначительная часть этих племен и народностей сохранила свои названия до наших дней. Сюда относятся такие группы узбеков, как барлас, карлук, тюрк, кальта-тай, муса-базари и, возможно, еще некоторые другие. Третий пласт — это потомки дештикипчацких узбеков, во главе с Шейбани-ханом завоевавших Мавераннахр в начале XVI в. и вошедших впоследствии в состав узбекского народа, а также передавших со временем ему

свое имя. Сюда входят такие группы узбеков, как мангыт, кунграт, минг, сарай, катаган, найман, дурман, кенагас и др.

В настоящем сообщении нас интересует второй из отмеченных пластов, т. е. потомки тюрко-монгольских племен и народностей, живших в Средней Азии до прихода узбеков Шейбани-хана. Их называли тюрками и в дореволюционное время не всегда включали в состав узбекских племен, так как название «узбек» в то время нередко употребляли еще в узком смысле; им обозначали лишь те группы, которые вели свое происхождение от дештикипчакских узбекских племен. Следует подчеркнуть, что одна из отмеченных групп название «тюрк» считала своим племенным и другого названия не имела. Эту группу мы будем называть собственно тюрками. У карлуков, барласов и других групп, называвшихся «тюрк», наряду с множеством общих черт в материальной культуре, нравах и обычаях с прочими узбеками (не оставляющих сомнения в их принадлежности к единой узбекской народности) имелись ко времени установления Советской власти и значительные различия. Эти различия осязательны и в наши дни, хотя особенности каждой группы столь быстро исчезают, что стали в основном предметом интереса только этнографов-исследователей.

Несмотря на большую подвижность полукочевых племен Средней Азии, чаще всего из-за феодальных междоусобиц, в первой четверти XX в. еще прослеживалась определенная закономерность в расселении тюрков: они были оттеснены узбеками Шейбани-хана с равнин и прилегающих к ним предгорий в более высокие места и даже в горы, к верховьям рек. Полоса расселения тюрков полукольцом огибает высокогорные районы со сплошным таджикским населением. Эта полоса, начинаясь в Афганском Бадахшане (бассейн р. Кукчи), заканчивается в восточном углу Ферганской долины. Представители этой группы чаще под общим названием «могол» или «мугал» имеются в Пакистане и в Северо-Западной Индии. Не исключена возможность, что они встречаются и в Синьцзяне. По данным 1917—1926 гг., численность тюрков в пределах советской Средней Азии определяется в 66 578 человек.

Тюрки в большинстве местностей Средней Азии вплоть до коллективизации сельского хозяйства продолжали вести полукочевую жизнь, и основным занятием их оставалось овцеводство.

В связи с тем, что краткая этнографическая характеристика интересующей нас группы узбеков дана в нашей специальной статье², позволим себе перейти к теме настоящего сообщения: к рассмотрению карлуков и собственно тюрков Южного Таджикистана, которые нам представляются наиболее древними среди тюрков.

Группа узбекского народа, сохранившая название «карлук» как родо-племенное имя, расселена в основном в бассейнах правых притоков Аму-Дарьи: Ях-Су, Кзыл-Су, Вахша, Кафирнигана и Сурхан-Дарьи. Незначительное число карлуков встречается в низовьях Кашка-Дарьи, а также в Бухарском и Каракульском оазисах. Численность карлуков в СССР, по данным комиссии по районированию Средней Азии (1924/25 г.), определялась в 9410 человек³. Значительно больше должно быть их в Афганском Бадахшане, в основном в бассейне Кукчи⁴.

Карлуки южных склонов Гиссарского хребта (на территории от верховьев Кафирнигана на востоке и до верховьев Сурхан-Дарьи на западе) причисляют себя к тюркам, называют себя «тюрк-карлук» и

считаются выходцами из района Ура-Тюбе. Карлуки, живущие к югу от невысоких хребтов, ограничивающих Гиссарскую долину с юга, т. е. карлуки Южного Таджикистана, не причисляют себя к тюркам, и последние несколько пренебрежительно называют их *галча-қаллуғ* (гальча — от «гарча» — горец на древних местных языках⁵).

У ряда исследователей существует мнение, что современные карлуки Южного Таджикистана и Афганского Бадахшана являются потомками тохаристанских карлуков или карлуков караханидского времени⁶.

Рассмотрение путей движения карлуков из Алтая в Среднюю Азию и расселения их не входит в нашу задачу. Этому посвящена специальная статья К. Шаниязова, в которой содержится библиография источников и исследований⁷. Отметим лишь, что время проникновения карлуков в Тохаристан исследователи датируют ранее VIII в.⁸. По мнению Заки Валиди, карлуки появляются впервые на исторической арене Тохаристана значительно раньше как эфталитский род в Бадахшане⁹.

Многое в быту и культуре карлуков говорит о том, что они действительно с очень давних времен проживают в местах современного обитания. Это особенно относится к группе карлуков Южного Таджикистана, т. е. бывшей Тохаристанской территории.

Различия в говорах, в физическом типе, а также в некоторых чертах быта и культуры между карлуками Южного Таджикистана, с одной стороны, и тюрк-карлуками — с другой, отрицание представителями обеих групп родственной близости и отсутствие брачных связей между ними наводят на мысль о различном их происхождении.

Близость тюрк-карлуков к другим племенам группы «тюрк» (*барлос, тўрк, калта-той, мусо-бозори*) и в значительной мере к узбекам, не имеющим родо-племенного деления, позволяет рассматривать тюрк-карлуков как потомков карлуков караханидского времени. По отношению к карлукам Южного Таджикистана можно, присоединившись к указанным выше исследователям, выдвинуть гипотезу о том, что карлуки Южного Таджикистана (возможно, и карлуки Афганского Бадахшана) ведут свое происхождение от тохаристанских карлуков.

Для достаточного обоснования этой гипотезы материалов пока далеко не достаточно. Для этого необходимо дальнейшее изучение карлуков Южного Таджикистана, карлуков Афганистана и обязательное изучение языка карлуков, т. е. диалекта узбекского языка, на котором говорят карлуки указанных районов. В данном же сообщении нами делается попытка лишь обосновать возможность выдвижения такой гипотезы. Это, как нам кажется, можно сделать, если доказать, что современные карлуки с давних времен проживают на бывшей тохаристанской территории.

Предания самих карлуков на этот счет очень разноречивы. Большинство из них говорит о том, что на правобережье Пянджа предки карлуков перекочевали из Афганского Бадахшана. Однако время этого переселения неизвестно. Пыры¹⁰ приходили к ним из Афганского Бадахшана (по другой версии — из Читрала).

О давности проживания карлуков в Южном Таджикистане, по нашему предположению, говорят следующие три момента: 1) значительная смешанность карлуков с горными таджиками; 2) наличие в

быту черт, свойственных переднеазиатским кочевникам; 3) наличие переднеазиатских черт в физическом типе.

Карлуки эндогамны: они не вступают в брак с соседними многочисленными узбекскими племенами дештикипчакского происхождения, с арабами, тюрками, мугулами, казахами и другими, однако исключения составляют горные таджики Южного Таджикистана и отчасти Каратегина (где карлуки бывают на летних пастбищах). Карлуки издавна охотно женились на таджичках, но своих девушек за таджиков не выдавали.

Нередко приходится слышать от карлуков: «По сути мы таджики, так как прабабка наша была таджичкой (родоначальники карлуков, проживающих в верховьях Яван-Су, братья Гуль-палван и Хол-палван были женаты на таджичках), да и потом наши предки часто женились на таджичках. Следовательно, таджики наши дяди по матери (*тоға*) и они нас, карлуков, называют племянниками со стороны сестры (*хоҳарзода*). Примечательно, что карлуки среди своих прабабок называют не только таджичек, но и женщин Читрала и Кандахара.

Карлуки Южного Таджикистана делятся на множество «родов» и «авлодов» (потомство одного далекого или совсем близкого родоначальника), однако названия этих подразделений в противоположность казахам, киргизам, узбекам дештикипчакского происхождения и другим тюркоязычным народам не сохранили имен древних народов и племен. Названия карлукских подразделений — это преимущественно имена и прозвища (большой частью таджикские) предков, иногда даже женских (имя отца бабки-таджички или название кишлака, откуда эта таджичка была родом, и т. п.). Названия самых основных «родов» карлуков Южного Таджикистана следующие: *Гуйроз, Ер-бек, Анна-бай, Жомчи, Алп, Фора, Абл-Хайр, Али-джон, Шахан, Сахан-кул, Авлоди-Аваз, Партау-кул, Куш-чақман, Чаппа, Кач-пой* и *Кокул*. Последние шесть — подразделения так называемых яванских карлуков, т. е. карлуков, живущих в верховьях Яван-Су (последний правый приток Вахша), а также на берегу Вахша у Нурека. О происхождении названий этих подразделений существует несколько преданий. По сообщению одного из информаторов, упомянутые выше братья Хол-палван и Гуль-палван (Хол и Гуль — мужские имена, характерные для горных таджиков) жили в местности *Ғашъён* (по мнению информатора, эта местность находится где-то в Шахрисябзе). Кутуз, сын одного из братьев, женился, и было у него четверо сыновей — Кокул, Аваз, Чаппа и Кач-пой (у троих из них, как видим, таджикские прозвища). Затем Кутуз с сыновьями уходит в Афганистан и там берет себе еще одну жену, кандахарку. От этой жены родился сын Партаукул (опять-таки имя, типичное для горных таджиков). После рождения Партаукула отец с сыновьями возвращается на правобережье Пянджа и поселяется в обширном урочище Дашти-Бедона, в верховьях р. Иляк (левый приток Кафирнигана), где яванские карлуки в дореволюционные годы жили летом. Когда Партаукул вырос, он женился на дочери таджика по имени Мири-Тухпа, жившего на берегу Вахша, к югу от Дашти-Бедона. Вместо калыма Партаукул работает на тестя (пасет его скот) в течение трех-четырех лет, а затем переселяется с женой в Яванскую долину и основывает там зимовку Кунчи. За потомством Партаукула сохраняется его имя, и этот *авлод* имеет еще несколько мелких подразделений.

Название рода Аваз, по сообщению другого информатора, происходит не от имени родоначальника, одного из пяти сыновей упомянутого Кутуза, а от имени таджика, на дочери которого был женат один карлук. За потомством этого карлука закрепилось имя не его самого, а его тестя-таджика.

Подобных преданий можно привести много.

Карлуки Южного Таджикистана в массе своей двуязычны, включая женщин, но все же родным языком в семье является узбекский. Говор карлуков Южного Таджикистана весьма своеобразен, по-видимому, в нем много архаических черт. В этой связи большой интерес представляют материалы, собранные Л. Лигети по тюркским языкам Афганистана, в том числе и по языку карлуков¹¹.

В материальной культуре карлуков, в частности в одежде, в причёске женщин и в пище, а также в их обрядах, обычаях и верованиях обнаруживается большое влияние горных таджиков. В то же время в быту карлуков Южного Таджикистана, в частности в материальной культуре, ясно прослеживаются элементы, сходные с таковыми у переднеазиатских кочевников — афганцев, курдов, белуджей, луров, азербайджанских тюрков и др. Это сходство объясняется, несомненно, не только одинаковыми условиями кочевой жизни, обусловленными основным занятием — отгонным овцеводством, но и взаимовлиянием культур в течение длительного времени, а подчас, возможно, и общим происхождением.

Позволим себе привести несколько примеров. Основное жилище карлуков дореволюционного времени, представляющее собой полусферический деревянный каркас, крытый войлоком¹², существенно отличается от решетчатой юрты узбеков дештикипчакского происхождения, казахов, киргизов и других тюрко-монгольских народов, но однотипно с летним жилищем других тюрков Средней Азии, полукочевых в прошлом азербайджанцев и талышей.

Карлукский способ сбивания масла также сходен с таковым у азербайджанцев, курдов, луров, кашкайцев, белуджей и др. Карлуки Южного Таджикистана сбивают масло в бурдюке, раскатывая его по разостланной на земле циновке. У азербайджанцев и других перечисленных народов распространен способ сбивания масла раскатыванием бурдюка, подвешенного на треноге. Для прядения шерсти карлуки употребляют веретено, пряслице которого представляет собой крест из двух деревянных рогулек, вдетых в стебель веретена. Подобное веретено не типично для узбеков, казахов и др., но распространено среди южных племен Афганистана.

Переднеазиатские черты прослеживаются и в физическом типе карлуков Южного Таджикистана. Л. В. Ошанин подчеркивает, что карлуки не имеют монголоидных черт в физическом типе, — они типичные представители европеоидной расы Среднеазиатского междуречья¹³. В числе фотографий типов карлуков Л. В. Ошаниным приводится тип карлука с явными переднеазиатскими чертами. Подобные типы среди карлуков встречаются нередко.

Достаточно давними насельниками Южного Таджикистана, по нашему мнению, можно считать группу ныне вполне оседлого и таджикоязычного населения, называющую себя «тюрк». Представители этой группы живут в двух районах бывшей Кулябской области в бассейне Кзыл-Су, где крайний северный предел их обитания — кишлачный совет Садай-Барда, являющийся вместе с тем крайним фор-

постом проникновения на север Кулябской области в массив сплошного таджикского населения инородных элементов. Таким образом, здесь тюрки, так же как и аборигены страны — таджики, были оттеснены в горы и оказались живущими на границе двух этнических территорий: к северу от них начиналась сплошная таджикская территория, а к югу — почти сплошная тюрко-язычная территория¹⁴. Это обстоятельство, на наш взгляд, служит одним из доказательств древности обитания тюрков на территории Кулябской области.

Собственно тюрки Южного Таджикистана живут еще в бассейне Ях-Су: к северу, востоку и юго-востоку от г. Куляба. Среди тюрков Кулябской области деления на роды не встречено. Исчезновение деления на роды — еще одно доказательство древности тюрков в этих местах. В настоящее время тюрки данной группы таджикоязычны. Однако среди них сохранились воспоминания о том, что несколько поколений назад их предки говорили по-узбекски. По образу жизни, материальной и духовной культуре и физическому типу тюрки Кулябской области ничем не отличаются от окружающего таджикского населения. В настоящее время многие тюрки на вопрос об их национальной принадлежности отвечают, что они таджики рода «тюрк».

Таким образом, здесь на наших глазах произошло завершение процесса ассимиляции с таджиками небольших групп тюрков.

Группа населения, называющая себя «тюрк», проживает также в верховьях Кафирнигана и в верховьях горных рек бассейна Сурхан-Дарьи. Большинство их двуязычно и сильно смешалось с таджиками, однако длительное сохранение полукочевого образа жизни и наличие в низовьях рек большого числа тюркоязычного населения, по-видимому, помешали полной ассимиляции этих групп тюрков таджиками.

Заканчивая свое сообщение, нам хочется отметить, что разработка вопросов сложной и длительной истории этнического развития и формирования узбекского народа требует для своего дальнейшего исследования совместных целенаправленных усилий специалистов всех отраслей исторической науки, а также лингвистов, фольклористов и антропологов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этническом составе населения южных районов Таджикистана и Узбекистана см. «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1. «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I, Бухара, Ташкент, 1926, стр. 149—250; М. Г. Маллицкий, *Учебное пособие по географии Таджикистана*, Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 50—69; А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева, *Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области*, — «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», 3, Сталинабад, 1953, стр. 73—97; Б. Х. Кармышева, *Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана*, — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», XXVII, М., 1957, стр. 14—19; Л. В. Ошанин, *Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. LXII, Сталинабад, 1957; *Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов*, ч. III, — «Труды Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина», новая серия, вып. XCVIII, «Исторические науки», кн. 18, Ереван, 1959, стр. 7—27; К. Наджимов, *Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области*, — «Труды Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина», новая серия, вып. 143, «Биологические науки», кн. 35, Ташкент, 1958.

² Б. Х. Кармышева, *Этнографическая группа тюрк в составе узбеков*, — «Советская этнография», 1960, № 1.

- ³ *Материалы по районированию Средней Азии*, кн. 1, ч. 1, Бухара, Ташкент, 1926, стр. 210.
- ⁴ Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан*, перевод с персидского под редакцией А. А. Семенова, Ташкент, 1926, стр. 7, 59, 112, 114, 115, 193, 199—208, 210, 216, 222.
- ⁵ В. В. Бартольд, *Таджики*, — сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 109.
- ⁶ В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 105; «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, стр. 211; Gunnar Jarring, *On the distribution of Turk tribes in Afghanistan*, «Lunds Universitets Årsskrift», Avd. I, Bd 35, № 4, pp. 71—72; Н. Г. Маллицкий, указ. соч., стр. 61—62.
- ⁷ К. Шаниязов, *Из истории расселения племени карлуков*, — «Сборник работ аспирантов Отделения общественных наук Академии наук УзССР», вып. II, Ташкент, 1958, стр. 223—259.
- ⁸ А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», CLIII, Сталинабад, 1957, стр. 159.
- ⁹ A. Zeki Validi-Boun, *Die Schwerter der Germanen, nach arabischen Berichten des 9—11 Jahrhundert*, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd 90, Leipzig, 1936, S. 33.
- ¹⁰ Пир — духовный наставник, ишан, руководитель дервишского ордена. В прошлом узбекские племена были поделены между отдельными ишанскими родами. Представитель каждого племени считался прирожденным мюридом ишанов определенного рода. Поэтому ишаны при объезде своих мюридов и сборе полагающегося подаяния руководствовались письменными родословными.
- ¹¹ Л. Лигети, *О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана*, — «Acta Orientalia», t. IV, F. 1—2, Budapest, 1955, стр. 110—113.
- ¹² Подробное описание жилища карлуков см. Б. Х. Кармышева, *Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана*, — «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 10—11, Сталинабад, 1956, стр. 12—23.
- ¹³ Л. В. Ошанин, *Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков племен Южного Таджикистана* (см. прим. 1).
- ¹⁴ В настоящее время, после периода коллективизации, часть горных таджиков переселилась в долины Южного Таджикистана, на земли нового орошения.

По докладу выступили К. И. Петров, М. Низамуддин.

М. Р. РЫСКУЛБЕКОВ (Фрунзе): ПЕРЕХОД КИРГИЗОВ ОТ КОЧЕВОГО К СОВРЕМЕННОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Киргизская Советская Социалистическая Республика, являющаяся одной из пятнадцати союзных республик в составе СССР, расположена в северо-восточной части Средней Азии и с юго-восточной стороны граничит с Китайской Народной Республикой.

Киргизы живут также в КНР (в Синьцзян-уйгурском автономном районе, по оазисам Кашгар, Хотан, Урумчи, Манас и другим, в Тибете), Монголии и в небольшом количестве в Афганском Бадахшане, в горных областях Пакистана.

В первой половине XIX в., до присоединения к России, Киргизия находилась под господством отсталого в экономическом и культурном отношении феодального Кокандского ханства, эксплуатировавшего киргизское трудовое население, облагая его разорительными поборами и повинностями.

В общественной жизни киргизов в основном господствовали патриархально-феодалыные отношения. Классовая дифференциация была